

«Бородинский футляр» из библиотеки генерала Ф.Ф.Шуберта

В Российской национальной библиотеке имеется обширная коллекция «Rossica», в которой собраны иностранные сочинения о России и книги на европейских языках, изданные на территории Российской империи. Она включает в себя большое количество редких и ценных изданий, к ней постоянно обращаются российские и зарубежные исследователи. Многие из книг, хранящихся сейчас в коллекции, попали в библиотеку из библиофильских собраний. Известно какую огромную роль сыграли библиофилы в деле сохранения уникальных рукописей и книг. Раритеты, отысканные и собранные ими в результате многолетних, кропотливых поисков, были таким образом спасены от забвения. Как правило, если государственной библиотеке удастся приобрести действительно редкое и ценное издание, то оно происходит из библиофильского собрания. Иногда эти экземпляры имеют свою историю, книговеды называют их «книгами с судьбой», поскольку более детальное знакомство с ними позволяет выйти на интересные исторические сюжеты. Одному из таких экземпляров и посвящена данная статья.

В коллекции «Rossica» хранится картонный футляр, изготовленный в форме книжного блока, с корешком из зеленой кожи и вытесненной золотом надписью: «Карты и планы, относящиеся до Бородинского сражения, бывшего в 1839 году, и Описание сражения при с.Бородине 26 августа 1812 года». Внутри его находятся три брошюры и восемь карт, изданные в 1839 г. по случаю Бородинских торжеств. Эти документы известны специалистам, каждый из них в отдельности не уникален, но история составления подборки и ее первый владелец – представляют не только книговедческий интерес.

Первая брошюра – Michailowsky-Danilewsky A. I. «Bataille de Borodino (26 août 1812) et description de l'affaire du 24 août pres Chévardino» (SPb., 1839) – является отрывком из «Описания Отечественной войны в 1812 году» историка А.И.Михайловского-Данилевского. Она была отпечатана по приказу императора в Военной типографии специально для участников Бородинских торжеств, перед титульным листом помещена гравюра с видом Бородинского памятника. Следует отметить, что современники восприняли исторический труд Михайловского-Данилевского достаточно неоднозначно, уже во время Бородинских торжеств он получил ряд замечаний от ветеранов, прочитавших его брошюру¹.

Вторая брошюра – Toll C.F. «Description de la bataille de Borodino, livrée les 24 et 26 août 1812» (SPb., 1839) – представляет собою описание Бородинского сражения, составленное генерал-квартирмейстером К.Ф.Толем в 1815-1816 г. и впервые опубликованное в 1822 г. на страницах «Отечественных записок». В 1839 г. она была отпечатана, по видимому, для участников Бородинских торжеств, но в отличие от брошюры Михайловского-Данилевского не имеет отметки «Печатано по Высочайшему повелению». Более того, на ней нет и обязательного для того времени цензурного разрешения, что позволяет делать самые различные предположения об обстоятельствах ее выхода в свет. Безусловно, в одновременном выходе двух описаний Бородинского сражения, рассчитанных на один круг читателей – непосредственных участников битвы.

Впервые жизненные пути Толя и Михайловского-Данилевского пересеклись в 1812 г. в штабе М.И.Кутузова: первый тогда занимал пост генерал-квартирмейстера, а второй был одним из штабных писарей. Толь оказал протекцию молодому чиновнику, открыл ему путь для успешной карьеры. В последующем они продолжали поддерживать отношения, обменивались материалами по истории Отечественной войны, над которой

каждый из них работал. Именно Толь прокомментировал первый исторический труд Михайловского-Данилевского, оставшийся в рукописи². Это сотрудничество сохранялось до второй половины 30-х гг., когда Толь понял, что его бывший протеже, став официальным историографом, в своих исторических сочинениях выдвигает на первый план царских любимцев – графа А.И. Чернышева и князя И.Ф.Паскевича. Толь раскритиковал «Описание Отечественной войны в 1812 году» в своей рецензии, но его рецензия, написанная от третьего лица в 1840 г., впервые была опубликована только в 1912 г., к столетнему юбилею войны³.

Третья брошюра, хранящаяся в футляре – «Tableau des troupes rassemblées dans les environs de Borodino, à l'occasion de l'inauguration solennelle du monument érigé en commémoration de la bataille du 26 août (7 septembre) 1812» (SPb., 1839) – представляет собою расписание войск, участвовавших в Бородинских торжествах. Оформление ее издательской обложки совпадает с брошюрой Толя, возможно, это была книжная серия, предназначенная для участников Бородинских торжеств, а брошюра Михайловского-Данилевского присоединилась к ним в последний момент. Вероятно, все три они составляли набор изданий, получаемых приглашенными на торжества лицами.

Все три брошюры были изданы в 1839 г. одновременно на русском и французском языках. В футляре они на французском, очевидно, его владелец предпочитал этот язык.

Помимо брошюр в футляре находятся восемь карт. Две из них военно-исторические, составленные К.Ф. Толем в 1814 г., а в 1838 г. выгравированные при Военно-топографическом депо:

- 1) «Ордер де баталь войск, бывших в сражении при селе Бородине 24 и 26-го чисел августа 1812 года».

2) «План сражения при селе Бородине, бывшего 26 августа 1812 года между российской императорскою армиею под предводительством генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова и французскою соединенною армиею, составленною из войск всех держав Западной Европы, под предводительством императора Наполеона».

Пять карт и планов посвящены Бородинским торжествам 1839 г., место их издания не указано, вероятно, они также были изданы при Военно-топографическом депо:

3) «План окрестностей села Бородина с показанием расположения войск, собираемых к оному в 1839 году».

4) «Карта расположения войск 2-го и 6-го пехотных и 3-го резервного кавалерийского корпусов, резервной дивизии 2-го пехотного корпуса, сводных: гвард. и гренад. батал. и кирасир. полка; и запасных войск: 1-й гвардейской роты; 4-х гренадерских полубатальонов; 12-ти армейских батальонов, в составе сводной дивизии 2-го пехотного корпуса; 2-х гвардейских и 12-ти армейских эскадронов; 1-й гвардейской и гренадерской и 4-х армейских пеших и 1-й конной батареи при селе Бородине в 1839 году».

5) «Carte de Cantonnement des troupes rassemblées dans les environs de Borodino en 1839».

6) «План общего смотра войск при селе Бородине в 1839 году».

7) Plan de l'ordre de formation des troupes pour la grande revue de Borodino 1839.

И наконец последняя карта – результат топографической съемки, проведенной военными картографами:

8) «Топографическая съемка окрестностей села Бородина, литографированная при Военно-Топографическом депо 1839». (на восьми листах и сборный лист).

Кому же принадлежала столь интересная подборка карт и брошюр? Изящный переплет футляра с золотым тиснением свидетельствует о том, что владелец дорожил хранимыми в нем изданиями. В библиотечной инвентарной книге удалось отыскать запись о поступлении этого футляра в 1878 г. от Ф. Эльсгольца. Будучи сотрудником библиотеки, Эльсголец способствовал ее пополнению редкими изданиями, в частности, книгами из бывшей библиотеки генерала Ф.Ф.Шуберта. В нижней части корешка футляра имеются вытесненные золотом инициалы «F.v.S.», свидетельствующие о его былой принадлежности именно к этому библиофильскому собранию⁴.

Генерал от инфантерии Ф.Ф. Шуберт (1789–1865) – личность достаточно известная, в 1992 г. в сборнике документов эпохи 1812 года, изданных ГИМ, был опубликован его дневник 1813 года⁵. Федор Федорович начал службу в 14-летнем возрасте в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник прусской (1807), шведской (1808-1809) и турецкой (1810) военных кампаний. К началу Отечественной войны 1812 г. он имел чин капитан и занимал пост обер-квартирмейстера 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора Ф.К.Корфа. В рапорте о действиях корпуса во время Бородинского сражения Корф отметил Шуберта, помогавшего ему под жесточайшим картечным огнем «удержать и опять выстроить приведенные в расстройство кавалерийские полки», подавая «пример солдатам храбростию и неустрашимостью»⁶. Несмотря на штабную должность, Шуберт был боевым офицером, о чем свидетельствуют три ранения и золотая шпага с надписью «за храбрость». Наполеоновские войны он закончил в чине полковника, будучи кавалером многих русских и иностранных орденов. В 1815–1818 гг. Федор Федорович занимал пост обер-квартирмейстера в корпусе графа М.С. Воронцова, расквартирован-

ного во Франции. По возвращении в Россию Шуберт возглавил топографическое ведомство: с 1822 г. – директор Корпуса топографов, с 1832 г. – директор Военно-топографического депо. Одновременно он занимал, в 1834-1843 гг., пост генерал-квартирмейстера Главного штаба.

По словам Д.А.Ровинского, генерал Ф.Ф.Шуберт «приобрел известность точностью изданных им карт, в особенности Западной России». Самые известные его картографические труды: карта Европейской части России, так называемая «Десятиверстка Шуберта» и гравированные планы Москвы и Петербурга.

Федор Федорович был известным петербургским bibliофилом и коллекционером. Библиотеку и любовь к книгам он унаследовал от отца – академика Ф.Ф. Шуберта. В Отделе рукописей РНБ хранятся каталоги его библиотеки и коллекции карт⁷.

Бородинские торжества 1839 г., во время которых генерал Шуберт составил эту подборку изданий, были центральным событием в целой череде военно-пропагандистских мероприятий, предпринятых правительством в 30-е гг. XIX в. Перечислю главные из них: открытие Александровской колонны на Дворцовой площади (1834), открытие Нарвских триумфальных ворот (1834), сбор русской и прусской армий в Калише (август, 1835), открытие памятника русским войскам на месте Кульмского сражения (сентябрь, 1835), проект установки 15 монументов на местах главных сражений 1812 года (декабрь 1835), Вознесенский кавалерийский сбор (1837), открытие памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли на площади перед Казанским собором (1837), заказ баварскому живописцу П. Гессу двенадцати больших картин, посвященных главным сражениям 1812 года (1839).

Торжествам предшествовало перенесение праха князя П.И. Багратиона на Бородинское поле. Сами торжества включали в себя несколько событий:

- военный сбор;
- открытие Бородинского монумента;
- маневры на Бородинском поле, повторившие ход сражения.

Своеобразным завершением торжеств стала закладка храма Христа Спасителя в Москве.

На Бородинских торжествах присутствовали многие ветераны эпохи 1812 года: А.П. Ермолов, К.Ф. Толь, граф М.С. Воронцов, принц Евгений Вюртембергский, фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, князь Д.В. Голицын, князь П.М. Волконский, граф П.П. Пален, граф А.И. Чернышев, граф В.В. Орлов-Денисов, князь А.И. Горчаков, князь И.Л. Шаховский, П.М. Капцевич, А.П. Никитин, князь А.Г. Щербатов, К.Ф. Левенштерн, М.Е. Храповицкий, граф Ц.А. Крейц, граф А.П. Ожаровский, П.А. Тучков – всего более трех сот генералов и офицеров. К сожалению, остается неизвестным был ли Ф.Ф. Шуберт в их числе.

Смотр войск и маневры продолжались с 26 по 31 августа, в них приняли участие более 130 тысяч солдат и офицеров⁸. На проведение Бородинских торжеств было издержано несколько миллионов рублей, только денежные пожалования императора участникам составили около 300 тысяч. Бородинский военный сбор превосходил Калишский и Вознесенский не только по количеству участвовавших войск, но и по количеству сопровождавшей его издательской продукции. Оставим в стороне многочисленные публикации в периодических изданиях и рассмотрим только отдельные издания.

О брошюрах К.Ф. Толя и А.И. Михайловского-Данилевского говорилось выше. Еще одним военно-историческим сочинением был «Опыт

описания Бородинского сражения» (М., 1839)» поручика Генерального штаба Н.Д. Неелова, состоявшего при штаба 6-го пехотного корпуса, расквартированного в Москве. В нем не содержалось ничего принципиально нового, по существу это был пересказ опубликованных трудов А. Жомини, Д.П. Бутурлина и К.Ф. Толя.

Два ветерана 1812-го года откликнулись на торжества своими мемуарами. Первым их них следует назвать Ф.Н. Глинку, автора «Очерков Бородинского сражения» (М., 1839). А самым плодовитым автором был князь Н.Б. Голицын. Сначала он издал сочинение под названием «Перенесение тела князя Багратиона на Бородинское поле» (М., 1839). За которым последовали стихи на французском языке, посвященные открытию Бородинского памятника – «*Borodino-Moscou. Hymne guerrier, a l'occasion de la ceremonie du 26 aout 1839, par un veteran de l'annee 1812*» (М., 1839). Чуть позже, в октябре 1839 г., были опубликованы его мемуары «*La bataille de Borodino par un temoin oculaire*» (SPb., 1839). В конце текста указаны дата и место написания: лагерь Бородино, 26 августа 1839 г.

Вскоре после окончания Бородинских торжеств были опубликованы два описания, сделанные литераторами, несопоставимыми по своим дарованиям: В.А. Жуковским⁹ и И.Н. Скобелевым. Сочинение второго из них вышло под названием: «Письмо из Бородина от безрукого к безногую инвалиду» (М., 1839).

И наконец – два художественных произведения, изданные при Императорских Московских театрах, к сожалению оба – достаточно невысокого качества:

- Бородинское поле, или Смерть за честь. М., 1839. Исторический роман в трех частях.
- Кузмичев Ф. Картины Бородинской битвы. М., 1839.

Литератор и историк Н.А. Полевой в сентябре 1839 г. просил у императора позволения издать на казенный счет книгу под названием «Повесть о великой битве Бородинской»¹⁰. Николай I дал свое согласие, но по неизвестным причинам книга увидела свет только в 1844 г.

Картографические издания 1839 г., собранные Шубертом в одном футляре, создавались при Военно-Топографического депо, а значит – под его непосредственным руководством. Известно, что в 1838–1840 гг. под начальством генерала Шуберта производилась топографическая съемка окрестностей Москвы¹¹. Перечисленные выше восемь карт и планов являются вкладом Шуберта в проведение Бородинских торжеств 1839 г.

В 1962 г. в Германии были изданы мемуары Ф.Ф. Шуберта, изложение в которых доведено до 1814 г. Как правило, источники подобного рода выпадают из поля зрения российских историков. В данном случае речь идет о воспоминаниях иностранцев, состоявших на русской службе, изданных за границей. Только некоторые из них прочно вошли в научный оборот (Л. Беннигсен, А. Ланжерон), благодаря высокому положению, занимаемому авторами в эпоху 1812 года, и переводу мемуаров на русский язык. Но многие из подобных мемуаров, написанных офицерами меньшего ранга, еще не переведены и ждут внимания исследователей (Л. Вольцоген¹², Г. Армфельдт¹³, Г. Гофман¹⁴, Э. Лёвенштерн¹⁵, Тидеман¹⁶ и др.)

Ниже публикуется отрывок из мемуаров Ф.Ф. Шуберта, посвященный Бородинскому сражению. Перевод выполнен М.Б. Рясенцевой.

«Под двуглавым орлом»*

(Отрывок)

26 августа, ровно через два года после битвы под Батином, с первым лучом солнца раздались первые ружейные выстрелы, а спустя четверть часа бой разгорелся по всей нашей линии. Сражение началось на нашем правом фланге с мощной атаки на деревню Бородино, но ее незамедлительно отбили, и вскоре стало понятно, что основной удар готовился не там, а на наш центр и левый фланг, где и должны были разыгаться главные события. Наполеон разместил здесь основную массу артиллерии, какая еще никогда не принимала участия в одной битве: несколько батарей по 100 пушек, а одна даже в 150 пушек, вели концентрированный огонь по одному месту. Он хотел пробить брешь в наших рядах, и артиллерийский огонь был призван сделать их неспособными выдержать атаку полков пехоты; ранее, в битве при Ваграме, он испробовал эту тактику, но все же не в таких больших масштабах, как здесь. Ни одного отдельного выстрела нельзя было больше различить в том месте, где шел общий бой. Более 2000 пушек стояли друг напротив друга и производили грохот, который я могу сравнить только с непрерывным боем нескольких сот барабанов, при котором ни одного отдельного барабана уже не слышно; единственная разница состояла в том, что этот грохот был в басовом ключе, а не в дисканте, как барабаны. Неподалеку от Шевардинского редута стояла маленькая палатка Наполеона, которую он приказал установить в том месте, откуда он мог видеть все происходившее, а вся его гвардия стояла непосредственно за нею как самый прекрасный и последний его резерв, сберегаемый на крайний случай. Кутузов находился в рavelине позади Бородино, где он оставался, получая сообщения о ходе битвы через гонцов и отдавая приказы;

* *Friedrich von Schubert. Unter den Doppeladler. 1789-1814. Stuttgart. 1962. S.233-239.*

он не покидал этого места до самого вечера, и хотя оттуда боя видно не было, он был в безопасности от пуль, и я полагаю, что он совершенно правильно выбрал себе такое место. Его личное присутствие на передней линии было совершенно бесполезным; Беннигсен, который исполнял обязанности начальника главного штаба, и Барклай де Толли непосредственно руководили, и на них вполне можно было положиться. Если бы в главнокомандующего попала пуля, это стало бы подлинной бедой с непредсказуемыми последствиями; она имела бы следствием путаницу, общий беспорядок, отсутствие командования, кого-либо, кто мог бы и хотел бы принять огромную ответственность на себя – от чего пострадала бы армия. Я со своей стороны должен поддержать решение Кутузова и защитить его от улыбчивых насмешников, которые готовы обсуждать то удобное и безопасное местечко, которое он себе присмотрел. Основная атака французов была направлена на батарею Раевского, которая была также ключевой позицией для всего нашего строя; если бы им удалось взять ее и укрепиться там, то наша армия была бы разорвана на две половины, отступление которых в Москву проходило бы с большим трудом и было бы сопряжено с огромными потерями. Правый фланг французов бросился тем временем в лес с намерением обойти наш левый, которому пришлось ввиду этого растянуться больше обычного, вследствие чего центр еще более ослаб. К одиннадцати часам французам наконец удалось с невероятными потерями захватить батарею Раевского, но все же только на короткое время; на них напала с двух сторон наша пехота, в штыковой атаке снова отбила батарею, и все, которые уже находились в редуте, были перебиты или захвачены в плен, в том числе один генерал. Наполеон постоянно усиливал свой правый фланг и постепенно вводил в бой остававшиеся подразделения, за исключением гвардии и резервной кавалерии; мы точно так же растяну-

лись к левому флангу, центр был крайне ослаблен атаками на батарею Раевского, и было необходимо срочно усилить его и левый фланг. Таким образом произошло постепенное, но общее передвижение всех подразделений налево, причем один армейский корпус (от Багговута) перешел туда с нашего правого фланга и занял положение слева от центра. Следовало предвидеть, что нужно еще ожидать основного наступления Наполеона, и мы хотели попытаться внушить нашему противнику страх за свой левый фланг, оголенный для нашей атаки; с этой целью весь 1-й кавалерийский корпус под командой Уварова и все казаки на нашем правом фланге около Москва-реки получили приказ обойти левый французский фланг и двигаться на Колоцкий монастырь. Этот корпус, не имевший никаких иных частей, кроме кавалерии, в принципе не мог сделать ничего существенно важного; однако, появление его (через три или четыре часа) в тылу французского левого фланга произвело тем не менее очень серьезный эффект; таким образом удалось добиться определенной нерешительности в наступлении противника. Палатку Наполеона немедленно свернули, а его гвардия построилась в каре, изготовив к бою винтовки. В Колоцком монастыре, где находились главный госпиталь и ставка, возникло замешательство по всему периметру. Хотя эта первая реакция продолжалась недолго, так как Наполеон вскоре понял, что с этой стороны ему не угрожала никакая серьезная опасность, тем не менее, данная контратака оказалась нам все же очень полезна тем, что мы выиграли с ее помощью немного времени, а при этом все помнили преимущественно об одном; нашим заданием было продержаться на позициях до наступления ночи.

Тем временем яростные атаки французов непрерывно следовали одна за другой. К трем часам они взяли наконец батарею Раевского и укрепились на ней, так как у нас больше не оставалось никаких резервных подразделений, чтобы их оттуда выбить; пехотные дивизии, которые стоя-

ли справа и слева от нее, были буквально уничтожены огнем артиллерии и стрелкового оружия. Теперь оставалось только еще воспрепятствовать французам проникнуть сквозь эту брешь и разорвать нашу армию на части; Наполеон поэтому уже приказал всей своей кавалерии сформировать две гигантских колонны, которым надлежало быстро продвигаться к этой точке. 2-й кавалерийский корпус (Корфа) по приказу Беннигсена спешно покинул правый фланг, теперь оставшийся совершенно оголенным, и помчался оттуда быстрой рысью точно так же колонной; полк Изюмских гусар опередил его, и как только первые ряды поднялись на гребень возвышенности, где стояла батарея Раевского, они увидели прямо перед собой в непосредственной близости французскую кавалерию. Первый эскадрон под командованием Лошкарева немедленно перестроился и бросился в карьер навстречу врагам, что не могло нанести им при его незначительной численности сколь-либо заметного урона, но тем не менее заставило их остановиться и дало время для начала атаки остальным эскадронам, тоже поднимавшимся на склон и атаковавшим противника; таким образом, весь корпус оказался наверху возвышенности, причем полк за полком, как только они оказывались наверху, атаковали встречного противника без предварительной перестройки – с ходу. Французская кавалерия была этой яростной атакой остановлена и вынуждена к медленному отступлению. Однако всей этой суматохи невозможно понять, если ее не увидеть; об общих приказах или едином руководстве говорить больше было невозможно; каждый полк, как только он снова строился, слышав призыв на полушаге, немедленно снова бросался в атаку. Поэтому на очень ограниченном пространстве французские конники смешались с нашими, направо и налево нанося сабельные удары по мере возможности, но все полки взаимно перемешались между собой и одновременно с остатками наших пехотных дивизий, которые всеми силами стремились снова привести в по-

рядок; Паскевич в отчаянии рвал на себе волосы, бегал кругами, и ругался, под Барклаем де Толли убили лошадь, но он совершенно спокойно расхаживал пешком, стремясь восстановить порядок. К тому же внезапно прибыл еще и саксонский кирасирский полк, который на левом фланге прорвал нашу первую линию, затем натолкнулся на каре наших гвардейцев и был ими жестоко обстрелян; теперь же он находился где-то между нашими второй и третьей линиями, не прекращая попыток снова прорваться к своим. К тому же нельзя забывать о двустороннем артиллерийском огне, который непрерывно бросал в эту массу ядро за ядром, уже даже не столько, чтобы нанести урон врагу (противников невозможно было отличить от друзей), сколько чтобы помешать развить успех. Три часа продолжалась эта свалка, эта рукопашная, где солдат сражался против солдата; при этом мы постепенно захватывали территорию, но об этом я Вам, однако, ничего в больших деталях сказать не могу, и я не верю, чтобы кто-либо смог рассказать о них, так как все было закрыто плотным облаком пыли, не позволявшим ничего видеть больше, чем на десять шагов, из которого постоянно возникали фигуры, попеременно то противника, то своего, выступая в пестрой смеси и снова исчезая. Если бы бригада французской кавалерии упорядоченно прибыла на место, то она бы легко бы рассекла всю массу, сражающуюся без какого-либо порядка, но с большой ожесточенностью, наш центр был бы тогда прорван и битва выиграна Наполеоном, так как у нас не осталось бы больше ничего, что мы могли бы противопоставить противнику. Однако, здесь нам помог благоприятный случай (называйте его провидением, если хотите), который и отнял у Наполеона победу. Когда он бросил всю свою кавалерию двумя колоннами против нашего центра, чтобы прорвать его, он поручил командование ею генералу Нансути; который был убит в самом начале кавалерийского встречного боя*, и

* На самом деле, он был только тяжело ранен. (*Прим. мемуариста*).

вследствие этого в колоннах начались колебания и промедление – солдаты не знали, куда им двигаться. Наполеон послал принять командования генерала Коленкура, брата бывшего посла в Санкт-Петербурге; едва он смог снова организовать и возглавить наступление французской кавалерии, в него тоже попала пуля, и наступление вновь парализовало. Тем временем солнце клонилось к закату, наша пехота опять построилась в некотором подобии порядка, французская кавалерия постепенно отступила, оружейный огонь начал постепенно затихать, стало смеркаться, и солдаты, как наши, так и неприятельские, не могли больше сражаться ввиду усталости. Обе армии к ночи отправились на бивуаки, практически в том же расположении, которое они занимали перед битвой. Когда Барклай де Толли оставлял центр, чтобы съездить в штаб-квартиру Кутузова, он сказал мне: «Господин обер-квартирмейстер, Вам надлежит быть в три часа утра у меня; я дам Вам диспозицию к утренней атаке».

Это было намерением и Беннигсена: утром атаковать противника, над которым мы уже одержали хотя и крайне сомнительную, но все же победу; отразить штурм французской армии, настолько превосходившей нас численно, да еще под командованием самого Наполеона, было большой моральной победой. Вопрос состоял только в том, хватало ли у нас еще сил, чтобы напасть? На протяжении всей ночи, различные подразделения представляли приблизительные сводки о своем состоянии, так как точно никто его указать не мог, и когда оказалось, что наши потери превзошли все вообразимые размеры; следует учитывать, что в это время под ружьем стояло более 50.000 человек. Естественно не все отсутствующие были убиты или ранены; многие рассеялись или сопровождали раненых в госпиталь, так что очень многие должны были объявиться снова через несколько дней, вернувшись в свои подразделения и полки (как это и случилось впоследствии), но на тот конкретный момент их не было. Многие из

высших начальников были убиты, а потери в генералах и офицерах оказались чрезмерны; прежде всего, был убит Багратион, командующий всей артиллерией, граф Кутайсов, также мертв; Командир корпуса Тучков и его брат, командовавший бригадой, убиты. Я уже не помню, сколько было убитых и раненых генералов; если не ошибаюсь, эта цифра превосходила 20; однако, самое худшее состояло в том, что среди них были те, без кого основная часть армии дезорганизовывалась. Артиллерия была в самом печальном состоянии; кроме очень больших потерь в лошадях, материальная часть пострадала настолько, что приходилось связывать на марше вокруг пушек по несколько лафетов; артиллерия была практически полностью уничтожена. Боеприпасы были израсходованы и полностью отсутствовали – привезенные для сражения были расстреляны, а депо находились в одном дне пути; во многих полках самыми старшими офицерами остались капитаны. Одним словом, армии требовалось несколько дней, чтобы снова организовать, и в нынешнем ее состоянии атаковать противника она была не в состоянии. Следовательно, ей пришлось отступить, что и было сделано ранним утром, после того, как ночью расчистили большую дорогу и отправили весь обоз, грузы, раненых, и т.д. в Москву.

Каково же было, однако, состояние французской армии? Таким же плачевным, как и нашей, даже еще хуже; несмотря на то, что Наполеон добился того, чего так страстно желал, а именно вынудил нас к битве. Однако, вместо того, чтобы нанести русской армии сокрушительное поражение и одержать блестящую победу, он провел совершенно безрезультатный бой, заплатив за него массой жизней своих солдат, совсем не как при Асперне и Ваграме, и снова к своему огорчению узнал, как трудно ослабить русских. Потери французов оказались еще гораздо серьезнее наших, точно ни тех, ни других указать невозможно; тем не менее было определено, что при Бородино в могилу сошло целое поколение. Французы не мог-

ли заниматься погребением трупов, а местных жителей, которые могли бы это сделать, найти было невозможно; однако, следующей весной, когда наше правительство позволило убрать и похоронить убитых, на поле боя нашли около 50.000 тел. Генерал Охс, который я знал позднее как гессенского посланника в Санкт-Петербурге, и который по праву носил свое имя, часто рассказывал мне, как он командовал в битве при Бородино вестфальской частью, и она погибла на поле боя полностью, он один из нее остался в живых; даже если это воспринимать не буквально, то все равно это показывает, насколько поразительно велики должны были оказаться потери. Битва вызвала у французов совершенную подавленность. Наполеон не рассматривал ее как выигранную, так как ночью он увел армию обратно в Колоцкий монастырь. Его часто упрекали в том, что он до самого конца боя не ввел в него свою гвардию и позволил начать отступление. Да, на самом деле, вероятно, это обстоятельство решило, наверное, судьбу дня, но он не знал нашего состояния и мог судить о нем только по тому ожесточенному сопротивлению, которое мы оказывали. То, что он сам, вероятно, считал наше наступление возможным, показывает ответ, который он дал кому-то из своего окружения, кто советовал ему послать в бой гвардию: «Et avec quoi livrerai-je bataille demain?» - «А с кем я буду тогда воевать завтра?» Уйдя настолько далеко от своих границ, он должен был постоянно сохранять боеспособными хотя бы часть основных подразделений, и я полагаю, что несправедливо ставить желание сохранить гвардию ему в упрек. Также ходили слухи, будто он был болен, что будто бы ему даже в тот день отказывал разум, но верить им нельзя. В любом случае, французской армии, точно как и нашей, были необходимы несколько дней, чтобы вернуть себе прежнюю боеспособность, а развертывание полевых госпиталей для раненых было не самой легкой задачей, которую Наполеону предстояло решать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дело о желании Его Величества знать исправил ли г.-л. Михайловский-Данилевский, по собранным им вновь сведениям, неверности статьи «Сражение при Бородине 26 августа 1839 г.» // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12516.

² *Михайловский-Данилевский А.И.* Histoire de la Campagne de 1812 depuis l'arrivee a l'armee du prince Koutousov jusqu'a la bataille de Taroutino, depuis le 17 aout jusqu'au 6 octobre. // ОР РНБ. Ф. 488. Ед. хр. 43.

³ Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. Б.м., 1912. С. 163-223.

⁴ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность М.Г. Козыревой и И.Г. Яковлевой за помощь в атрибуции футляра.

⁵ 1812-1814: Секретная переписка П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: из собр. Гос. Ист. Музея. М., 1992. С. 320-344.

⁶ Там же. С. 320.

⁷ Частный каталог библиотеки Ф.Ф. Шуберта // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1593; Каталог карт Ф.Ф.Шуберта // Там же. Ед.хр.1592.

⁸ *Болдина Е.Г.* Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С.190-197.

⁹ *Жуковский В.А.* Бородинская годовщина. М., 1839.

¹⁰ Дело о сочинении Н.А. Полевого «Повесть о битве Бородинской» // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1.

¹¹ Записки Военно-топографического депо. Часть 10. СПб., 1847. С. 17.

¹² *Wolzogen L.* Memoiren... Leipzig, 1851.

¹³ *Tegner E.* Gustaf Mauritz Armfelt. Stockholm, 1883.

¹⁴ *Hofmann G.W.* Tagebuch des 2-ten russischen Corps in den Feldzügen von 1812, 1813, 1814. Münster, 1830.

¹⁵ *Löwenstern E.* Mit Graf Pahlens Reiterei gegen Napoleon. Berlin, 1910.

¹⁶ Tagebuch und Briefwechsel des Oberstleutnants von Tiedemann aus dem Jahre 1812 // Jahrbucher für die Deutsche Armee und Marine. Bd.24.